

АННА ДОЛГОВА

ПОСЛЕ РАЗВОДА.
СПАСТИ
И НЕ УБИТЬ

Анна Долгова

После развода.

Спасти и не убить

<https://litres.ru/74221819>

Аннотация

Договор подписан. Вечер. Суши с золотой фольгой. И бывший муж на проводе.

Леонид предлагает Анне аферу века: притвориться образцовой семьей перед ирландским инвестором. В обмен – пять миллионов долларов и спасение их сына-оболтуса, которого вот-вот выгонят из института Лондона. Проблема: теща, которая ненавидит зятя до глубины души, но ради внука готова улыбаться. И любовница...

Но главная проблема – бывшие супруги, которые забыли, как быть настоящей семьей.

Начинается самое безумное время в их жизни. С притворными ужинами, монтажом компромата и ночевкой в одной кровати с тещей под дверью. Но когда игра заканчивается, оказывается, что притворство иногда становится реальностью. Даже если теща все еще обещает задушить зятя...

♥# ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! МЫ ПРОЧИТАЛИ МНОГО РОМАНОВ О БЫВШИХ. РАЗВОДАХ И ИЗМЕНАХ. ВСЕ ОНИ

ОЧЕНЬ ЧУВСТВЕННЫ И ДАЖЕ ДРАМАТИЧНЫ. НО ЧТО, ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ НА ЭТО С ДРУГОЙ СТОРОНЫ? ПУСТЬ КНИГА О БЫВШИХ БУДЕТ С ЮМОРОМ!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

Анна подписывала контракт и чувствовала себя богиней.

Это было то редкое чувство, которое случалось раз в полгода, когда она сидела в своем кабинете на двадцать седьмом этаже. За окном горела Москва, а перед ней на столе лежал документ, означающий, что следующие три месяца она может не волноваться за ипотеку и даже позволить себе суши с золотой фольгой.

- Ирина, - сказала она в переговорное устройство, - закажи мне «Филадельфию» с угрем. И шампанское. Нет, шампанское не надо. Просто суши. И пусть доставят побыстрее, я голодная как волк.

Секретарша что-то радостно щебетнула в ответ. Анна откинулась в кресле и закрыла глаза. Пять лет назад она была просто женой Леонида, владельца трех отелей и сети небольших гостиниц на юге. Тогда ее звали «Леня, твоя жена пришла», и она поправляла платье на светских мероприятиях, улыбалась партнерам мужа и делала вид, что ей не скучно.

Теперь она – Анна Сергеева, ведущий антикризисный менеджер компании «Астра-Консалт». У нее свой кабинет, своя подпись на документах и своя финская туалетная бумага, которую она заказывает специально с «Озона», потому что в офисе кладут обычную, серую, и это ниже ее достоинства.

Развод был три года назад. Три года, три месяца и четыре дня. Она не считала. Почти.

Леонид тогда сказал: «Я ухожу к Илоне». Анна сказала: «Кто такая Илона?» Леонид сказал: «Моя ассистентка». Анна сказала: «У тебя их было три за год». Леонид сказал: «Эта особенная». Через полгода выяснилось, что «особенная» вывела со счетов почти двести тысяч долларов и оставила Леонида с тремя убыточными отелями в городах, где никто никогда не останавливался.

Анна тогда позвонила ему и, не скрывая радости, выплила: «Поздравляю. Ты выбрал членом, а надо было головой». Он не ответил. Он вообще не отвечал на ее звонки два года. Она не обижалась. Ей было плевать. Почти.

Телефон завибрировал на столе. Анна открыла глаза. На экране высветилось: «ЛЕОНИД БЫВШИЙ». Она уставилась на экран, как на привидение.

Два года молчания. Два года она думала, что он забыл ее номер или, что еще обиднее, просто удалил из контактов. И вот звонок. Когда она подписала контракт и заказала суши.

Анна сбросила вызов.

Через десять секунд телефон завибрировал снова. Она снова сбросила.

На третьем звонке она взяла трубку только потому, что у нее внутри что-то щелкнуло – то самое чувство, которое появлялось перед серьезными проблемами. Оно не обманывало никогда.

- Леонид, - сказала ледяным голосом, который оттачивала на партнерах-мужчинах, которые думали, что она глупая жена крупного бизнесмена. – Ты жив что ли еще?!

- Анна, - голос Леонида звучал странно.

Не пьяный, нет. Он был какой-то... сплюснутый, что ли. Как будто он только что проснулся или не спал несколько дней.

- Анна, мне нужна твоя помощь.

- Я не пью.

- Я не пьян. Анна, послушай. Это важно. Виталик.

Анна села прямо. Сердце пропустило удар. Сын. Двадцать лет, учится в Лондоне на дизайнера интерьеров. Точнее, должен учиться, а на самом деле снимает тиктоки, играет в покер и меняет девушек как перчатки. Анна знала все, потому что подписалась на него под чужим аккаунтом и каждое утро начинала с проверки его сторис.

- Что с Виталиком? – спросила быстро, стараясь не паниковать.

- Его отчисляют.

Пауза. В этой паузе уместилось все: ипотека, суши с золотой фольгой, контракт, который она только что подписала, и чувство богини, которое испарилось, как утренний туман над Москвой-рекой.

- Что значит «отчисляют»? Он же сдал сессию.

- Он сдал. Но я не оплатил следующий семестр. Анна, у меня нет денег.

Анна засмеялась. Это был невеселый, каркающий смех, который пугал ее коллег.

- Леонид, два года назад ты ушел от меня к двадцатипятилетней ассистентке, которая, как я слышала, вынесла из твоего офиса все, что не было прикручено болтами. И ты говоришь мне, что у тебя нет денег на обучение сына?

- Илона забрала почти все, - глухо сказал Леонид. – Я пытался судиться, но она лучше подготовилась. У нее были подписанные доверенности, доступ к счетам... я был дураком.

- Ты был дураком задолго до Илоны, - сказала Анна. – Но это отдельная тема. Сколько?

- Двадцать пять тысяч фунтов. За год. Если не заплатим до пятницы, он теряет место.

- До пятницы? – Анна посмотрела на настенные часы. Сейчас вторник, восемь часов вечера.

- У меня нет таких денег, - произнесла гораздо тише.

- Анна, пожалуйста. Я не прошу для себя. Я прошу для сына.

- Для сына, которого ты бросил, когда ушел к своей ассистентке?

- Я не бросал его. Я...

- Ты уехал в Дубай с Илоной на два месяца. Виталик тогда плакал по ночам. Он уже взрослый, он не показывает, но я-то знаю. Ты пропустил его день рождения. И следующий. И последующий.

Леонид молчал. Анна слышала его тяжелое и прерывистое

дыхание. Он все еще курил, хотя бросал трижды. Она узнала этот звук – вдох, затяжка, выдох с хрипотцой. Восемнадцать лет брака не проходят бесследно.

- Анна, - сказал он, наконец. - Я знаю, что был козлом. Я был козлом, я остался козлом, и, наверное, я умру козлом. Но сейчас речь не обо мне. Если Виталик вернется в Россию, он пропадет. Ты сама знаешь. Он будет жить у тебя, или у меня, или у твоей матери, и ты будешь кормить его борщом и смотреть, как он лежит на диване и снимает свои дурацкие видео. А ему нужно закончить образование. Он талантливый, Анна. Ты видела его проект гостиницы? Он прислал мне.

Анна видела. Проект был хорош. Даже очень. Виталик мог бы стать отличным дизайнером, если бы перестал тратить время на ерунду. Но для этого ему нужно было остаться в Лондоне.

- У меня нет таких денег, - повторила Анна. – У меня ипотека, кредит на машину, я только что подписала контракт, но аванс придет через месяц. Я могу дать пять тысяч. Не больше.

- А если я найду способ заплатить?
- Ты только что сказал, что у тебя нет денег.
- У меня есть бизнес, - сказал Леонид. – Точнее, то, что от него осталось. Три отеля в городах, где никто не останавливается. Но ко мне пришел инвестор. Один ирландец, Джеймс О'Хара. У него есть деньги, отели в Ирландии и Англии. Он

хочет купить мою сеть, но не просто купить, а... как бы это сказать... он очень странный.

- В каком смысле?

- Он не берет бизнес у разведенных. Говорит, что семейные ценности – это основа. Он хочет видеть семью. Счастливую, дружную, такую, с бабушками, с традициями. Он отказал трем кандидатам, потому что они были в разводе. И я в разводе. И если я не докажу, что у меня образцовая семья, он уйдет к конкурентам.

- Леонид, - медленно сказала Анна, - ты сейчас предлагаешь мне притвориться твоей любящей женой?

Пауза. Долгая. Такая долгая, что Анна успела подумать: «А ведь это похоже на правду. Только в кино так бывает. Или в дешевых романах, которые читают в электричках».

- Да, - сказал Леонид. – Я предлагаю тебе это. Если О'Хара подпишет контракт, я получу пятьдесят миллионов долларов инвестиций. Из них десять я готов отдать на обучение Виталика. И еще пять тебе лично. За твое участие.

- Пять миллионов?

- Пять. Долларов. За три недели.

Анна закрыла глаза. Она представила: новая кухня (не та, на которую она копила три года, а настоящая, с итальянским мрамором и встроенной кофемашиной), машина (не кредитная, а своя), отпуск (не в Сочи, а на Мальдивах). И обучение Виталика. Сын не вернется в Россию, не будет лежать на диване, не будет поедать ее запасы пельменей.

- И что я должна делать? – спросила она, понимая, что уже согласилась.

- Приехать ко мне завтра утром. Познакомиться с О’Харой. Улыбаться. Говорить, что мы счастливы. Что развод был ошибкой. Что мы снова вместе.

- Мы не вместе.

- О’Хара не знает.

- А моя мать? – вдруг спросила Анна. – Она ненавидит тебя.

- Я знаю, - вздохнул Леонид. – Но Виталик – ее внук. И она не хочет, чтобы он вернулся в Россию. Может, она согласится помочь? Просто... поприсутствовать... Улыбаться. Не убивать меня на глазах у инвестора.

- Ты просишь мою мать, которая называет тебя «позором рода человеческого», изображать любящую тещу?

- Я прошу ее спасти внука.

Анна опять посмотрела на часы. Суши с золотой фольгой должны были приехать с минуты на минуту, но она больше не хотела есть.

- Я подумаю, - сказала она. – Завтра позвоню.

- Анна...

- Я сказала – подумаю. Не дави.

Она сбросила вызов и уставилась в потолок. На потолке была трещина. Анна давно хотела ее замазать, но все не было времени. Теперь трещина казалась символом всей ее жизни – вроде бы целая, а если присмотреться, то расползается по

швам.

Вошла секретарша Ирина с пакетом. Запах суши заполнил кабинет – свежий, соленый, обещающий что-то хорошее.

- Анна Сергеевна, ваша «Филадельфия». И еще роллы с лососем, это бонус от ресторана, вы у них постоянный клиент.

- Спасибо, Ирина. Иди домой. На сегодня все дела сделаны.

- А вы?

- А я подумаю.

Секретарша ушла. Анна открыла коробку, взяла палочки, отправила в рот кусок суши и даже не почувствовала вкуса. Она смотрела на телефон и думала о Леониде.

Он был ее мужем восемнадцать лет. Восемнадцать лет она терпела его командировки, его забытые обещания, его поздние возвращения домой с запахом чужих духов. Она верила ему трижды. После третьего раза перестала.

И вот теперь он звонит и просит ее изображать любящую жену. Ради сына. Ради денег. Ради его бизнеса.

Или не только ради?

Анна отодвинула суши. Она вдруг поняла, что ни капли не удивилась этому звонку. Будто всегда знала: Леонид вернется. Не как муж, а как проблема, которую нужно решать. Она была в этом профессионалом – решать проблемы. За это ей и платили.

Но сейчас проблема была не в договорах и не в цифрах. Проблема была в том, что она слишком хорошо помнила, как Леонид улыбался, когда они только поженились. Как вел ее под руку по набережной. Как сказал: «Я никогда тебя не брошу».

Ей было двадцать два. Она верила.

Теперь ей сорок один. Она не верит никому. И это, пожалуй, самое грустное во всей этой истории.

Анна взяла телефон и написала сообщение матери:

«Мам, ты спишь? Завтра приеду. Нужно поговорить. Про Виталика».

Ответ пришел через минуту:

«Я не сплю с 1972 года. Приезжай. И привези малосольных огурцов, у меня кончились».

Анна улыбнулась. Мать не меняется. Это, наверное, единственное, что остается неизменным в этом мире – любовь Людмилы Петровны к малосольным огурцам и ее ненависть к Леониду.

Завтра будет тяжелый разговор.

Но это завтра.

А сегодня – суши, контракт и странное чувство, что жизнь только начинается. Или заканчивается. Анна не могла понять. И это было самым страшным.

Глава 2

Кафе «Венское утро» находилось ровно на полпути между офисом Анны и последним отелем Леонида, который еще не продали за долги. Анна выбрала это место специально. Во-первых, здесь подавали нормальный кофе, а не ту бурду, которую называют латте в сетевых забегаловках. Во-вторых, здесь было тихо. В-третьих, сюда никогда не заходил никто из ее коллег или его партнеров. Нейтральная территория, как Швейцария, только без гор и банков.

Она приехала на двадцать минут раньше. Это был ее принцип: на переговоры с мужчинами приходить первой. За это время она успевала выбрать лучший стол – у окна, но не на проходе, заказать себе американо и подумать. Подумать о том, какие вопросы задать, какие аргументы привести, где надавить, а где промолчать.

Сейчас она сидела за столиком у окна, пила кофе и смотрела на улицу. Ноябрьская Москва была серой, мокрой и злой. Люди бежали по лужам, пряча лица в воротники. Анна подумала, что это похоже на ее жизнь последние два года – сплошная грязь под ногами и вечная спешка.

Леонид опоздал на пятнадцать минут. Она знала, что опоздает. Он всегда опаздывал. На свидания, на встречи, на день рождения сына, на собственную свадьбу. Анна помнила, как стояла в ЗАГСе в белом платье, которое купила на

деньги, отложенные с первой зарплаты, и ждала. Сорок минут. Все гости уже начали перешептываться. Ее мать, Людмила Петровна, тогда сказала: «Дочь, может, не надо? Это знак». Анна не послушала. Зря.

Леонид вошел в кафе, огляделся, увидел ее и направился к столику. За два года он изменился. Сильно. Когда они разводились, он был еще ничего – подтянутый, в хорошем костюме, с той самой самоуверенной улыбкой, которая когда-то показалась Анне признаком надежности. Сейчас он выглядел так, будто его постирали в горячей воде и сушили в центрифуге. Мешки под глазами, седина на висках, костюм дорогой, но мятый, как будто он спал в нем.

- Привет, - сказал Леонид и сел напротив.

- Ты опоздал.

- Ты не меняешься.

- А ты меняешься. В худшую сторону.

Официант подошел с меню. Леонид заказал эспрессо и круассан. Анна мысленно отметила: раньше он не ел выпечку, потому что «мужчина должен следить за фигурой». Еще один штрих к портрету человека, который потерял все.

- Итак, - начала Анна, когда официант ушел. – Давай по порядку. Что именно ты предлагаешь?

Леонид выдохнул, достал из кармана пиджака сложенный лист бумаги и положил на стол.

- Это проект договора, - сказал он. – Неофициальный, но я хотел, чтобы все было прозрачно.

Анна взяла лист и начала читать. Пункт первый: «Анна Сергеева (именуемая в дальнейшем „супруга“) обязуется в течение трех недель исполнять роль жены Леонида Горелова (именуемого в дальнейшем „супруг“) перед инвестором Джеймсом О’Харой». Пункт второй: «Супруга обязуется улыбаться, поддерживать беседу и не противоречить супругу в присутствии инвестора». Пункт третий: «Супруг обязуется не прикасаться к супруге без ее согласия». Пункт четвертый: «Супруг обязуется оплатить обучение Виталика Горелова в размере 25 000 фунтов стерлингов в течение тридцати дней после подписания контракта с инвестором». Пункт пятый: «Супруга получает вознаграждение в размере 5 000 000 долларов США после получения инвестиций». Пункт шестой: «В случае раскрытия правды виновная сторона выплачивает пострадавшей стороне неустойку в размере 1 000 000 долларов США».

Анна дочитала, положила лист на стол и посмотрела на Леонида.

- Ты составил юридический договор о притворной семейной жизни?

- Я хотел, чтобы все было серьезно.

- Это самый безумный документ, который я видела в своей жизни. А я видела договор на поставку гречки в детские сады с пунктом о форс-мажоре в виде нашествия саранчи.

- Саранча была в соседней области, - сказал Леонид с таким видом, будто это все объясняло. – Анна, я понимаю, как

это звучит. Но у меня нет выхода. О'Хара – единственный, кто заинтересовался моими отелями. Если он уйдет, я банкрот. Если я банкрот, Виталику придется бросить учебу.

- А где Илона? – спросила Анна. - Твоя «особенная» ассистентка. Пусть она играет роль жены.

Леонид поморщился, как будто съел лимон.

- Илона ушла. Когда деньги кончились. Она сейчас живет в Таиланде с каким-то инструктором по дайвингу. Или с тренером по йоге. Я не вникал.

- То есть ты променял восемнадцать лет брака на женщину, которая бросила тебя при первых финансовых трудностях?

- Ты хочешь сказать «я же тебе говорила»?

- Я не буду этого говорить, потому что это было бы слишком жестоко. Даже для меня.

Официант принес эспрессо и круассан. Леонид отпил кофе, и его руки чуть заметно дрожали. Анна заметила. Она замечала все. Это было ее проклятием и ее суперсилой одновременно.

- У тебя есть кто-то? – вдруг спросил Леонид.

- В каком смысле?

- Ну, мужчина. Чтобы у О'Хары не возникло вопросов. Вдруг он захочет познакомиться с твоим новым парнем.

- Нет, - сказала Анна. – Нет у меня никого. И не было после развода.

- Вообще никого?

- Вообще. Я строила карьеру.

- Два года?

- А что в этом такого?

Леонид хотел что-то сказать, но промолчал. Анна поняла, что он удивился. Мужчины всегда удивляются, когда женщина может жить без мужчины. Им кажется, что мы без них пропадем. А мы процветаем. По крайней мере, внешне.

- Ладно, - сказала Анна. – Допустим, я согласна. Но у нас есть проблема.

- Какая?

- Моя мать.

Леонид побледнел. Даже его седые виски стали белее.

- Людмила Петровна?

- Она самая. Ты думаешь, О'Хара не захочет познакомиться с бабушкой нашего сына? Он же ирландец, у них там культ семьи. Он обязательно захочет. И если моя мать узнает, что я притворяюсь твоей женой, она сначала убьет меня, потом тебя, потом себя, и все это на глазах у инвестора.

- Может, не будем ей говорить?

- Леонид, она живет в двадцати минутах от меня. Она заходит ко мне каждую неделю, потому что у меня есть малосольные огурцы, а в ее магазине они пересоленные. Она узнает. Она всегда узнаёт. Она как КГБ, только в юбке и с вязанием.

- Тогда что ты предлагаешь?

- Я предлагаю поговорить с ней сегодня. Честно.

- Честно? – Леонид округлил глаза. – Ты хочешь честно сказать своей матери, которая меня ненавидит, что мы собираемся врать иностранному инвестору ради денег?

- Я хочу сказать ей правду о Виталике. Что его отчисляют. Что мы можем это предотвратить. И что нам нужна ее помощь.

- Она не согласится.

- Она согласится, - сказала Анна с такой уверенностью, что самой стало страшно. – Потому что она любит внука больше, чем ненавидит тебя. А это, поверь, очень большая любовь.

Леонид допил эспрессо и отодвинул чашку.

- Хорошо. Допустим, она согласна. Что дальше?

- Дальше – О'Хара. Когда он приезжает?

- Через десять дней. Я хочу, чтобы ты подготовилась.

- К чему?

- К нему. Он очень сентиментальный. Любит спрашивать про семейные истории. Как мы познакомились, как я сделал предложение, как родился Виталик. Он проверит каждую деталь. У него есть целый список вопросов.

Анна почувствовала, что у нее начинает болеть голова.

- Ты хочешь сказать, что мы должны не просто притворяться, а придумать целую легенду?

- Да. С датами, местами, мелкими деталями. Например, какой у нас был первый танец на свадьбе?

- Я не помню.

- Я тоже. Но О'Хара запомнит. Он из тех людей, которые хранят все семейные фото и любят сравнивать истории.

Анна закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она вдруг поняла, что это даже хуже, чем она предполагала. Ей придется не просто изображать жену, а стать актрисой, которая играет роль жены, которая когда-то была настоящей. Это был какой-то театр абсурда.

- Ладно, - сказала она, наконец. – У меня есть еще один вопрос.

- Какой?

- Ты действительно сможешь заплатить? Не обанкротишься через месяц после того, как я все это сделаю?

Леонид посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде было что-то, чего Анна не видела много лет. Наверное, искренность.

- Анна, я потерял почти все. Но отели – это единственное, что у меня осталось. О'Хара дает мне шанс. Если я его упущу, я не просто банкрот. Я – ноль. И Виталик тогда точно вернется в Россию, и мы будем вдвоем жить в одной квартире: я, он и его тиктоки. Ты этого хочешь?

- Нет.

- И я не хочу. Поэтому я сделаю все, чтобы этот контракт был подписан. Даже если для этого придется целовать тебе руку при свидетелях.

- Руку – можно. Но если ты попробуешь поцеловать меня в губы, я вцеплюсь тебе в кадык. Договорились?

Леонид улыбнулся. Впервые за весь разговор. Улыбка была грустная, но настоящая.

- Договорились.

Анна взяла со стола проект договора, сложила его вчетверо и убрала в сумку.

- Я изучу это дома. Сегодня вечером поговорю с матерью. Завтра позвоню.

- Хорошо.

- И еще, Леонид.

- Что?

- Ты мне должен за кофе. И за круассан. Это нейтральное кафе, но платит тот, кто звал на встречу.

Леонид полез в карман за кошельком. Анна встала, накинула пальто и направилась к выходу. У двери она обернулась.

- И приведи себя в порядок, - сказала она. – Если ты будешь выглядеть как бомж, инвестор подумает, что я вышла за тебя из жалости.

- А это не так? – спросил Леонид.

Анна не ответила. Она вышла на улицу, подставила лицо мелкому осеннему дождю и подумала: «Вот черт. Я согласилась».

Она действительно согласилась. Не подписала договор, не дала честного слова, но согласилась. И это было самое страшное. Потому что теперь у нее был план. А планы Анны сбывались всегда, даже когда она этого не хотела.

Она села в машину, завела двигатель и поехала к матери.

Впереди был самый трудный разговор в ее жизни.

Глава 3

Дом Людмилы Петровны находился в старом районе Москвы, где деревья были выше пятиэтажек, а во дворах до сих пор стояли качели, на которых Анна качалась в детстве. Она припарковалась у подъезда, взяла с заднего сиденья пакет с малосолевыми огурцами – мать просила, а Анна не умела отказывать, даже когда внутри все кипело от предстоящего разговора – и пошла на третий этаж.

Дверь открылась до того, как она успела позвонить. Людмила Петровна стояла в прихожей в своем любимом халате с цветами, который носила уже лет десять, и смотрела на дочь с таким выражением, будто знала все наперед.

- Ты бледная, - сказала она вместо приветствия. – И выглядишь так, будто не спала всю ночь. Заходи, раздевайся, руки мой, садись за стол. Я сварила борщ.

- Мам, я не хочу есть.

- Кто тебя спрашивает, хочешь ты или нет. За стол. Быстро.

Анна вздохнула и подчинилась. Это было ее детство, отрочество и вся взрослая жизнь. Мать всегда знала, что лучше, даже когда речь шла о выборе мужа. Особенно тогда.

Квартира Людмилы Петровны пахла старыми книгами, валерьянкой и пирогами. На кухне, куда Анна вошла, на столе уже стояла тарелка с борщом, черный хлеб и маленькая

рюмка - «для настроения», как говорила мать.

- Садись, - повторила Людмила Петровна, и Анна села.

Она взяла ложку, помешала борщ, но есть не стала.

- Мам, нам нужно поговорить.

- Я знаю. Ты пишешь мне поздно вечером про Виталика. Я уже поняла, что случилось что-то плохое. Он что, женился?

- Нет.

- Заболел?

- Нет.

- У него кто-то умер?

- Мама!

- Тогда что? Говори уже, не тяни резину.

Анна отложила ложку, положила руки на стол и посмотрела на мать. Людмила Петровна была женщиной старой закалки – невысокая, с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и глазами, которые видели все. Даже то, что Анна пыталась спрятать.

- Его отчисляют из Лондона, - сказала Анна. – Если мы не заплатим двадцать пять тысяч фунтов до пятницы.

Людмила Петровна не изменилась в лице. Она только чуть прищурилась.

- А где деньги? – спросила она. – Ты же работаешь. У тебя хорошая работа.

- У меня работа, у меня ипотека, у меня кредит на машину. Я не могу выдать двадцать пять тысяч фунтов за три дня. Это больше трех миллионов рублей. У меня нет таких денег.

- У отца?

- У Леонида, мама, нет ничего. Илона вынесла почти все.

Людмила Петровна услышала имя Леонида, и ее лицо изменилось. Оно стало жестче, как будто кто-то включил режим «оборона».

- Я так и знала, - сказала она. – Зять-козел. Мало того, что он бросил тебя с ребенком, мало того, что он ушел к этой дешевке, так он еще и сына своего не может обеспечить. Убогий.

- Мама, давай без оценок.

- А какие тут оценки, дочь? Я его с первого дня невзлюбила. Помнишь, как он пришел к нам знакомиться? Принес коньяк за триста рублей и сказал, что я выгляжу на сорок лет, а ему было двадцать пять. Я сразу поняла – дурак. Но ты же была влюблена. Ты смотрела на него, как на принца. А он был принцем только в своей голове.

Анна молчала. Она знала, что мать права. Людмила Петровна всегда была права, и это бесило больше всего.

- Дело не в Леониде, - сказала Анна. – Дело в Виталике. Если он вернется в Россию, он ничего не закончит. Он сядет на шею, будет снимать свои тиктоки, играть в компьютер и ждать, что я буду его кормить. Я не хочу этого, мама. Я хочу, чтобы он выучился. Он талантливый дизайнер. У него есть будущее.

- Хорошо. А где взять деньги? Если у тебя нет, у Леонида нет, то что? Ты хочешь, чтобы я продала квартиру?

- Нет.

- Тогда что? Что ты придумала? Я вижу, что ты что-то придумала. У тебя этот взгляд.

Анна сделала глубокий вдох. Она поняла, что сейчас начнется самое трудное.

- Леонид нашел инвестора, - сказала она. – Ирландец, Джеймс О'Хара. Он хочет вложить деньги в его отели. Пятьдесят миллионов долларов.

- Пятьдесят миллионов? – Людмила Петровна подняла брови. – У него остались отели, которые стоят пятьдесят миллионов?

- Ему нужны инвестиции, чтобы их развить. Но есть проблема.

- Какая?

- О'Хара верит в семейные ценности. Он не дает деньги разведенным. Он хочет видеть образцовую семью. Счастливую. С бабушками, с традициями, с общими фотографиями и улыбками.

Людмила Петровна помолчала. Потом медленно сняла очки, протерла их краем халата и снова надела.

- Ты хочешь сказать мне, - произнесла она чеканно, - что этот идиот, этот твой бывший муж, этот козел, который испоганил тебе жизнь, предлагает тебе притвориться его женой ради денег?

- Да, мама. И не просто женой. Он хочет, чтобы ты тоже участвовала. Чтобы ты играла роль любящей тещи.

Людмила Петровна встала. Подошла к окну. Посмотрела на мокрые деревья. Молчала долго. Так долго, что Анна начала бояться.

- Дочь, - наконец сказала мать, не оборачиваясь. – Ты помнишь, что я сказала тебе на свадьбе?

- Что?

- Я сказала: «Если он тебя обидит, я его убью». Ты тогда смеялась. Я не смеялась.

- Мама, он...

- Он ушел к дешевке, которая была младше тебя на пятнадцать лет. Он оставил тебя с долгами. Он не платил алименты, сославшись на совершеннолетие ребенка. Он пропустил день рождения Виталика два раза подряд. Если это не обидает, то что?

- Мама, речь не о нас. Речь о Виталике. Если мы не заплатим, он вернется в Россию и, скорее всего, загубит свою жизнь. Ты этого хочешь?

Людмила Петровна повернулась. В ее глазах стояли слезы. Анна не видела мать плачущей уже лет десять, с тех пор как умер отец. И сейчас эти слезы были страшнее любых криков.

- Я не хочу, чтобы мой внук пропадал, - сказала она. – Но я не хочу врать. Я всю жизнь была честной. Я учила тебя честности. И сейчас ты просишь меня изображать любовь к человеку, которого я ненавижу.

- Это ради Виталика, - повторила Анна. – Мама, если мы не сделаем это, он будет жить с тобой или со мной, и мы бу-

дем смотреть, как он пьет пиво и снимает глупые видео. А если О'Хара даст деньги – Леонид заплатит за обучение, Виталик закончит университет и станет самостоятельным. Он перестанет быть оболтусом.

Людмила Петровна вернулась к столу, села и налила себе в рюмку коньяк. Выпила залпом. Поморщилась.

- И что я должна делать? – спросила она.

- Просто быть рядом. Улыбаться. Говорить, что мы счастливая семья. Никаких сцен, никаких обличений. Держать себя в руках.

- Сколько?

- Три недели.

- И все это время я должна улыбаться этому козлу?

- Только при инвесторе.

Людмила Петровна посмотрела на дочь. Долго. Взгляд был тяжелым, как осеннее небо за окном.

- Ты действительно хочешь этого? – спросила она. – Или ты хочешь вернуть его?

- Мама!

- Я спрашиваю серьезно, Анна. Ты была с ним восемнадцать лет. Такое не забывается. Может, ты согласилась не только ради Виталика?

- Это смешно, - сказала Анна, чувствуя, как у нее начинает гореть лицо. – Я не хочу его возвращать. Я давно его забыла.

- Забыла, но взяла договор, - Людмила Петровна показала на сумку Анны, из которой торчал уголок документа. – Ты

пришла ко мне, чтобы я подписалась под аферой, которая сделает его богатым. А что получишь ты? Пять миллионов долларов. И свою старую жизнь.

- У меня нет старой жизни.

- Есть. Ты помнишь, как вы жили? Ты помнишь, как он приходил домой с цветами? Как он пел тебе под гитару? Как вы танцевали на кухне?

- Я не помню этого.

- Ты врешь.

Анна встала. Она хотела уйти, но ноги не слушались. Она стояла посреди кухни, и все вокруг – старый холодильник, занавески, которые мать не меняла двадцать лет, запах борща – все это давило на нее.

- Мама, - сказала она тихо. – Я не хочу его возвращать. Я хочу, чтобы Виталик закончил учебу. Я хочу, чтобы он стал взрослым. Я хочу, чтобы он не повторил ошибки своего отца. Если для этого нужно на три недели притвориться счастливой семьей – я сделаю это. Ты можешь помочь мне?

Людмила Петровна вздохнула. Этот вздох длился так долго, как будто она выдыхала весь гнев, накопленный за пятнадцать лет.

- Я согласна, - сказала она. – Но на моих условиях.

- Каких?

- Первое: я живу у вас все время, пока будет этот ирландец. Я не доверяю Леониду. Если он что-то скажет не то, я должна быть рядом, чтобы поправить.

- Хорошо.

- Второе: я веду дневник. Все его косяки. Каждый раз, когда он делает что-то неправильно – я записываю. Если он сорвет сделку, я использую этот дневник, чтобы он больше никогда не приближался к нашей семье.

- Договорились.

- Третье, - Людмила Петровна посмотрела Анне прямо в глаза. – Ты не влюбишься в него снова. Если я увижу, что ты на него посматриваешь, что ты улыбаешься ему по-настоящему, я все расскажу инвестору. Я не позволю тебе снова разбить себе сердце. Ты поняла?

Анна хотела возразить, но слова застряли в горле. Она вдруг поняла, что мать видит ее насквозь. Как всегда.

- Поняла, - сказала Анна.

- Хорошо. Тогда принеси мне еще коньяка. И налей себе. Потому что после такого разговора надо выпить.

Анна взяла бутылку, налила в две рюмки. Они сидели на кухне, пили коньяк и молчали. За окном шел дождь. Где-то в Лондоне ее сын, сам того не зная, стал причиной самой большой аферы в ее жизни.

- Знаешь, мама, - сказала Анна, глядя в окно. – Я иногда думаю, что мы с тобой слишком много сделали для других. Для Леонида, для Виталика. А для себя?

- Для себя мы делаем то, что считаем правильным, - ответила Людмила Петровна. – И это единственное, что имеет значение.

Она чокнулась с дочерью и выпила до дна.

Анна закрыла глаза. Впереди было десять дней до приезда инвестора. Десять дней, чтобы подготовиться к самой большой лжи в своей жизни. Или, может быть, к самой большой правде.

Она не знала. Но знала одно: назад дороги нет.

Глава 4

Анна проснулась в семь утра с ощущением, что ее переехал грузовик. Голова гудела от коньяка, который она выпила с матерью, и от мыслей, которые крутились в ней всю ночь. Она лежала в кровати, смотрела в потолок и перебирала в голове условия.

Первое. Она не будет жить с Леонидом. Никаких совместных завтраков, никаких «случайных» прикосновений, никаких уютных вечеров у камина. У них нет камина. У него вообще нет ничего, кроме трех убыточных отелей и мятых костюмов. Но даже если бы был, она не будет.

Второе. Она не целует его. Вообще. Даже в щеку. Даже при инвесторе. Максимум – рукопожатие или легкое прикосновение к плечу, если это абсолютно необходимо. И только по команде.

Третье. Никаких разговоров о прошлом. О том, как они познакомились, как он сделал предложение, как они жили до рождения Виталика. Если О'Хара спросит, они отвечают коротко и сухо. «Мы встретились в университете», «Он подарил кольцо в ресторане», «Мы были счастливы». Без подробностей. Без эмоций. Без лжи, которая требует слишком много деталей.

Четвертое. Леонид оплачивает все. Проживание, питание, такси, цветы для инвестора, подарки для тещи. Анна не тра-

тит на эту аферу ни копейки. Ее гонорар – пять миллионов долларов – остается неприкосновенным.

Пятое. Договор подписывается нотариально. Официально. Чтобы у Леонида не возникло желания передумать после того, как он получит деньги.

Шестое. Виталик ничего не знает. Он считает, что родители действительно помирились. И он будет считать так, пока не закончит университет. Если правда выйдет наружу раньше, сделка аннулируется, и Леонид выплачивает неустойку.

Анна перечитала список и подумала, что это похоже на договор с дьяволом. Только дьявол – Леонид. И он сам не знает, что продает душу.

Она встала, приняла душ, выпила кофе и набрала номер.

- Леонид, - сказала она, когда он взял трубку. – Встречаемся сегодня. Ты приезжаешь ко мне в офис. Не в кафе, не в ресторан. В офис. В одиннадцать.

- Зачем?

- Я подготовила список условий. Мы должны их обсудить и подписать.

- Анна, мы же уже все обсудили.

- Это было вчера. Сегодня я подумала и решила, что одного устного соглашения недостаточно. Если мы вступаем в эту аферу, то я хочу, чтобы все было по-взрослому. Без обид. Без недопонимания. Просто бизнес.

Леонид помолчал. Она слышала, как он зажигает сигарету.

- Хорошо, - сказал он. – В одиннадцать. Приеду.

- И не опаздывай.

- Я... постараюсь.

- Постарайся. Иначе я тоже могу опоздать. Например, на всю эту историю.

Она положила трубку и улыбнулась. Ей нравилось иметь контроль. Особенно над ним.

В одиннадцать ноль пять Леонид вошел в офис Анны.

Он опоздал, но всего на пять минут. Анна сочла это прогрессом. Он был в другом костюме. Сером, чистом, но снова мятом. И снова с темными кругами под глазами. Она подумала, что он выглядит как человек, который не спит уже третью неделю. Наверное, так и было.

- Садись, - сказала она, указав на кресло напротив стола.
– Кофе? Чай?

- Кофе.

Она нажала кнопку селектора и попросила секретаршу принести два эспresso. Сама она пила только американо. Но для Леонида сделала исключение, потому что он всегда пил эспresso. Восемнадцать лет. Привычка.

Когда кофе принесли, Анна взяла со стола лист бумаги, на котором написала условия, и протянула Леониду.

- Прочитай.

Леонид взял лист и начал читать. Анна наблюдала за ним. Он хмурился, когда читал про «никаких поцелуев», ухмыль-

нулся, когда дошел до «Виталик не знает правды», и нахмурился снова, когда увидел пункт о нотариальном заверении.

- Ты серьезно? – спросил он. – Нотариус?

- Абсолютно. Это не просто игра, Леонид. Это сделка. Между двумя взрослыми людьми. Если один из нас нарушит условия, второй имеет право на компенсацию.

- А если я нарушу?

- Если ты попробуешь поцеловать меня или рассказать Виталику правду – я подаю в суд. И ты выплачиваешь мне пять миллионов долларов. А если ты передумаешь и откажешься от сделки, ты выплачиваешь мне десять миллионов. За моральный ущерб.

Леонид посмотрел на нее с уважением и страхом одновременно.

- Ты страшный человек, Анна.

- Я бизнесвумен. Это разные вещи.

Он допил эспрессо и положил лист на стол.

- Я согласен, - сказал он. - Но у меня есть два контрпредложения.

- Какие?

- Первое. Если О'Хара попросит нас поцеловаться или сделать что-то более интимное – например, обняться – я не несу ответственности. Это будет вынужденная мера. Я не собираюсь к тебе приставать, но если инвестор скажет «поцелуйте жену на камеру», я не могу отказаться. Это будет подозрительно.

Анна задумалась. Он был прав. О'Хара мог попросить что-то такое. Ей нужно было быть готовой.

- Хорошо, - сказала она. – Но только на камеру. И только по команде. И только один раз.

- Договорились. Второе. Если мы будем выглядеть как два робота, которые выполняют программу, О'Хара это заметит. Мы должны иногда делать что-то, что выглядит естественно. Например, смеяться над его шутками, даже если они не смешные. Или держаться за руки, если мы идем по улице. Или говорить друг другу комплименты.

- Ты собираешься говорить мне комплименты?

- Если это поможет получить деньги – да.

- Тогда скажи мне прямо сейчас. Для тренировки.

Леонид посмотрел на нее. Его взгляд был серьезным, внимательным. Он молчал несколько секунд, и Анна вдруг почувствовала себя неловко, будто она снова двадцатидвухлетняя студентка, которая впервые сидит на свидании.

- У тебя красивые глаза, - сказал он. – Они всегда были красивыми. Даже когда ты злишься.

Анна моргнула. Она не ожидала такого. Комплимент был простым, честным, без фальши. И он ударил ее в самое сердце.

- Это было... хорошо, - сказала она, стараясь сохранить деловой тон. – Давай запишем. «У тебя красивые глаза». Еще что-то?

- Ты хорошо пахнешь. Всегда. Я помню этот запах. Даже

когда ушел, я иногда покупал такие же духи в подарок другим женщинам, но они никогда не пахли так, как ты.

Анна почувствовала, что у нее начинает гореть лицо. Она взяла чашку с американо и сделала глоток, чтобы скрыть смущение.

- Достаточно, - сказала она. – Я поняла. Ты умеешь делать комплименты. Это хорошо. Это войдет в сценарий.

- Какой сценарий?

- Тот, который мы будем разыгрывать перед О'Харой. Я записываю все. Каждую деталь. Чтобы не было проколов.

Леонид посмотрел на нее, потом на лист с условиями, потом снова на нее.

- Знаешь, - сказал он, - я иногда думал, что стало бы с нами, если бы я не ушел.

- Давай не будем об этом.

- Почему? Потому что больно?

- Потому что это не имеет значения, Леонид. Мы развелись. Я прошла через это. Ты прошел через это. Сейчас мы просто два партнера по бизнесу, которые хотят спасти сына. Все остальное – лишнее.

Он посмотрел на нее, потом на лист с условиями. Анна заметила, что его руки снова слегка трясутся. Он нервничал. Или волновался. Или что-то третье, чего она не могла определить.

- Хорошо, - сказал он. – Я подпишу. Когда нотариус?

- Завтра в десять. Здесь же. Я все организую.

Леонид встал, поправил пиджак и направился к двери. У выхода он обернулся.

- Анна.

- Что?

- Спасибо.

- За что?

- За то, что ты согласилась. Я знаю, что ты делаешь это ради Виталика. Не ради меня. Но все равно спасибо.

Анна хотела сказать что-то колкое, какую-то едкую реплику, которая поставила бы его на место. Но слова не пришли. Она просто кивнула.

- Иди уже, - сказала она. – Завтра в десять. Без опозданий.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, которую Анна помнила с их первой встречи: чуть грустной, чуть ироничной, с огоньком в глазах. И ушел.

Анна осталась одна в своем кабинете. Она смотрела на дверь, которая закрылась за ним, и чувствовала, как внутри нее разрастается странное, противоречивое чувство. Она хотела, чтобы он ушел. И он ушел. Но почему-то стало пусто.

- Ты идиотка, Анна, - сказала она себе вслух. – Ты просто идиотка.

Она взяла телефон, открыла чат с Виталиком и написала: «Все хорошо, сын. Мы с папой все решаем. Не волнуйся. Ты должен заниматься учебой».

Ответ пришел через минуту:

«Мам, вы с папой снова вместе? Честно? Ты ведь мне не

врешь?»

Анна смотрела на экран. Ее палец застыл над клавиатурой. Что ответить? Правду? Нет. Ни в коем случае. Ложь? Но если она скажет «да», то будет врать сыну. Тому, кого она любила больше всего на свете.

Она написала:

«Мы работаем над этим, сын. Не торопи события».

Виталик ответил смайликом с сердечком. Анна закрыла телефон и откинулась в кресле.

«Мы работаем над этим», - повторила она про себя. - «Мы работаем над тем, чтобы притворяться, что мы работаем над отношениями, которых нет».

Это была самая безумная игра в ее жизни.

Глава 5

На следующее утро после подписания договора у нотариуса Анна проснулась с ощущением, что ей нужно срочно что-то делать. Что-то важное, что может изменить все. Она сходила на работу, подписала пару текущих документов, а в одиннадцать уже стояла у дома Леонида.

Это был трехэтажный особняк в бывшей престижной, а ныне просто дорогой части Москвы. Анна знала его как свои пять пальцев: когда-то она сама выбирала обои в спальне, когда-то она сажала розы во дворе, когда-то она ждала здесь возвращения мужа с работы.

Теперь она стояла у входа с пакетом малосольных огурцов и чувствовала себя так, будто собиралась на войну.

Дверь открыл сам Леонид. Он выглядел лучше, чем в предыдущие дни. Выбритый, в свежей рубашке, но все равно с той же усталостью в глазах.

- Ты, как я понимаю, без предупреждения? – сказал он, оглядывая пакет в ее руках.

- Мама хочет осмотреть место будущей дислокации, - ответила Анна и шагнула в сторону, пропуская вперед... Людмилу Петровну.

Да. Анна была не одна... Людмила Петровна ловко обвела зятя, спрятавшись за спиной дочери.

Теща вошла в дом, как императрица входит в провинци-

альный дворец. Она оглядела прихожую, сняла пальто, аккуратно повесила его на крючок и сказала, даже не повернувшись к хозяину:

- Так вот где ты живешь после того, как разорил мою дочь. Леонид сглотнул.

- Здравствуйте, Людмила Петровна.

- Я не с тобой здороваюсь, - холодно ответила она. - Я здороваюсь с этим домом. Потому что дом – не виноват. А ты – виноват.

Анна закатила глаза. Все начиналось именно так, как она и предполагала – с театрального представления, где главную роль играла ее мать.

- Мама, давай сначала посмотрим, где ты будешь жить, - сказала Анна.

- Я знаю, где я буду жить. Я буду жить там, где смогу контролировать этого козла двадцать четыре часа в сутки. Леонид, показывай.

Леонид посмотрел на Анну с выражением «помоги мне», но она только пожала плечами. Это была ее мать. И она была неуправляемой.

Они прошли в гостиную. Комната была большой, с дорогой мебелью – Леонид когда-то любил хорошие вещи, - но сейчас все выглядело немного пыльным и неухоженным. Будто уборщица приходила раз в неделю и делала только самое необходимое.

Людмила Петровна прошлась по комнате, провела паль-

цем по подоконнику и посмотрела на пыль.

- Пыль, - сказала она. – Ты когда-нибудь убираешься?

- У меня есть домработница.

- Наверное, и она тебя бросила, как Илона?

Леонид пошел красными пятнами, но смолчал.

Людмила Петровна осмотрела кухню – открыла холодильник, понюхала хлеб, заглянула в духовку и вынесла вердикт:

- Безобразие. Холодильник пустой. Духовка не чищена. В мусорном ведре вчерашняя еда. Как ты вообще живешь?

- Это мои проблемы, - тихо сказал Леонид.

- Теперь это наши проблемы, - отрезала теща. – Если этот твой инвестор войдет сюда и увидит бардак, он подумает, что ты сам бардак. А значит, деньги нам не светят. Так что завтра будет уборка генеральная. Анна, ты мне помогаешь.

- Мама, я работаю, - попыталась возразить Анна.

- Ты работаешь ради денег. А это – ради спасения семьи. Свободное время найдешь. У тебя его много.

Анна хотела возразить, но не стала. Она знала, что спорить с матерью бесполезно. Когда Людмила Петровна принимала решение, она становилась похожей на стену, которую невозможно пробить.

Они прошли дальше – в коридор, где висели старые фотографии. Анна остановилась. Это была их семейная фотография: она, Леонид и маленький Виталик на фоне моря. Виталику тогда было года три, он улыбался щербатой улыбкой, Леонид держал его на плечах, а Анна стояла рядом, счастли-

вая. Настоящая. Не та, которой она была сейчас.

- Ты сохранил это? – спросила она, указывая на фото.

- Я ни одного фото не выбросил, - сказал Леонид. – Они у меня до сих пор.

- Зачем?

- Чтобы помнить.

- Что помнить?

- Что у меня была семья. И что я ее потерял.

Людмила Петровна услышала это и фыркнула.

- Потерял? – сказала она. – Ты не потерял, ты выбросил. Разница есть. Потерять можно случайно. Выбросить – это осознанный выбор. И ты сделал этот выбор.

Леонид не ответил. Он стоял рядом с фотографией и смотрел на нее так, будто пытался вернуть время назад. Анна заметила, что у него заблестели глаза, но он быстро отвел взгляд.

- Ладно, - сказала Людмила Петровна, нарушая тягучую тишину. – Показывай, где я буду спать.

Комната для гостей была на втором этаже. Небольшая, но с большим окном и старой мебелью. Людмила Петровна останавливалась в ней часто. Но сейчас делала вид, будто была здесь впервые. Осмотрела ее, провела рукой по одеялу, присела на кровать и объявила:

- Нормально. Я согласна. Но есть три условия.

- Какие? – спросил Леонид.

- Первое. Ты мне не перечишь. Если я говорю «иди сюда»

- ты идешь. Если говорю «сиди» - ты сидишь. Если говорю «молчи» - ты молчишь. Я – главный режиссер этого спектакля, потому что я знаю, как выглядит любовь, а ты нет. У тебя любовь – это деньги. У меня – это забота.

- Я согласен.

- Второе. Ты не смотришь на мою дочь так, как смотрел раньше. Ты вообще на нее смотришь только при инвесторе. Без инвестора – вы чужие люди. Ты это понял?

- Понял.

- Третье. И самое важное. – Людмила Петровна подошла к Леониду вплотную. Она была ниже его на голову, но ее взгляд был тяжелым и непроницаемым. – Если ты нарушишь нашу сделку, если ты попытаешься навредить моей дочери или моему внуку, я сделаю все, чтобы твоя жизнь превратилась в ад. Я свяжусь со всеми журналистами газет и дам объявление на первой странице: «Бывший зять, неудачник и мошенник, снова хочет обмануть семью». Ты понимаешь, что это значит?

- Вы меня уничтожите.

- Не я. Ты сам себя уничтожил. Я просто оформлю это документально.

Леонид побледнел и кивнул. Анна смотрела на эту сцену с легкой гордостью. Ее мать умела производить впечатление.

- Хорошо, - сказала Людмила Петровна, отходя в сторону. – Тогда договорились. Анна, принеси мои вещи из машины. Леонид, покажи, где у тебя пылесос. Я начну уборку прямо

сейчас. В этом бардаке жить нельзя.

Анна вышла на улицу. Солнце светило ярко, несмотря на ноябрь. Она стояла у машины и смотрела на особняк, в котором когда-то жила.

«Я здесь, - подумала она. – Я снова здесь. Как это вообще случилось?»

Она взяла сумку матери, закрыла багажник и пошла обратно. Впереди было десять дней до приезда инвестора. Десять дней, чтобы превратить этот дом в образцовую семью. Или в театр абсурда.

Анна не знала, что будет в конце. Она только знала одно: теперь она не одна. Ее мать была с ней. И это было одновременно и спасением, и наказанием.

- Я не хочу об этом думать, - сказала она себе, входя в дом. – Пока не хочу.

Она вошла и увидела, как Людмила Петровна уже открывает шкафы с пылью, как Леонид пытается найти пылесос, и как все это становится сценой, которую никто не писал, но в которой все играют свои роли.

«Это все ради Виталика, - сказала Анна себе. – Только ради него».

И взяла тряпку...

Глава 6

Утро следующего дня началось с того, что Леонид проснулся от грохота на кухне.

Он лежал в кровати, смотрел в потолок и пытался понять, что происходит. Вчера он заснул в состоянии полного истощения после того, как Людмила Петровна заставила его переставить всю мебель в гостиной «для лучшей энергетики». Сегодня, судя по звукам, она уже вовсю хозяйничала на его кухне.

Леонид натянул халат, который висел на спинке стула, и спустился вниз. Картина, которую он увидел, заставила его остановиться на полпути.

Людмила Петровна стояла посреди кухни, держа в одной руке его любимую сковороду, а в другой – пластиковый контейнер с вчерашней едой. Рядом с ней на столе лежала тетрадь, ручка и стопка бумаги. Она выглядела так, будто проводила стратегическое совещание перед битвой.

- Доброе утро, Леонид, - сказала она, даже не обернувшись. – Садись. Нам нужно поговорить.

- Доброе утро, - пробормотал он, садясь за стол. – А где Анна?

- Анна на работе. Она будет приходить вечером. Я решила, что пока она зарабатывает деньги, я буду заниматься твоим воспитанием.

- Моим воспитанием?

- Да. Ты как ребенок, Леонид. Ты не умеешь готовить, не умеешь убираться, не умеешь поддерживать порядок. Ты не умеешь даже быть мужчиной. Поэтому я взяла на себя обязанность научить тебя всему, что нужно знать для того, чтобы выглядеть прилично перед инвестором.

Леонид открыл рот, чтобы возразить, но Людмила Петровна подняла руку.

- Молчи. Слушай. У меня к тебе несколько требований. Первое. Ты встаешь в семь утра. Каждый день. Без выходных. Утро начинается с зарядки. Даже если ты не хочешь. Даже если ты устал. Ты делаешь зарядку десять минут, чтобы кровь разогнать и выглядеть бодрым. Понял?

- Да, Людмила Петровна, - обреченно согласился Леонид.

- Второе. Ты завтракаешь. Я буду готовить. Ты будешь есть. Без разговоров, без "не хочу". Ешь то, что дают. И улыбайся.

- Но...

- Что «но»? – Людмила Петровна повернулась и посмотрела на него так, что у него пропало желание спорить. – Ты думаешь, инвестор будет вкладывать деньги в человека, который выглядит как доходяга? Нет. Он будет вкладывать в мужчину, у которого есть силы и энергия. А ты выглядишь так, будто тебя выжали как лимон. Так что будешь есть и улыбаться.

- Хорошо.

- Третье. Ты перестаешь курить.

Леонид поперхнулся.

- Что?!

- Я сказала – перестаешь курить. Запах табака остается на одежде, на волосах, на коже. Инвестор может быть некурящим. Или он может просто не любить запах. Зачем рисковать? Ты бросаешь. С сегодняшнего дня.

- Но я не могу просто так бросить курить!

- Ты можешь. Я знаю. Я бросила в тридцать, когда родилась Анна. Просто взяла и бросила. И ты возьмешь и бросишь.

Леонид хотел возразить, но посмотрел на лицо тещи и понял, что это бесполезно. Она была непоколебима. Он сглотнул и кивнул.

- Четвертое. Ты читаешь книги.

- Какие?

- Те, которые я тебе принесу. Это будут книги о любви, о семейных ценностях, о том, как говорить красивые слова. Ты должен знать их наизусть. Потому что, если О'Хара спросит тебя о любви, ты не можешь просто сказать «я люблю Анну». Ты должен сказать, что ты чувствуешь на самом деле. Или то, что он хочет услышать.

- Я не понимаю.

- Ты и не должен. Просто читай и запоминай. Это как сценарий. Ты актер. Актер должен знать текст.

Леонид взял тетрадь, которую она ему протянула. На пер-

вой странице было написано крупным почерком: «СПИСОК КНИГ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ЗЯТЕМ». Дальше шел перечень названий, большинство из которых он даже не слышал.

- Это все? – спросил он.

- Это первая часть. Вторая часть – штрафы.

- Штрафы?

Людмила Петровна взяла другую тетрадь, открыла ее и начала читать:

- За каждое нарушение правил ты платишь штраф. Штрафы идут в фонд Виталика. Деньги, которые ты заплатишь, пойдут на его образование. Так что ты не просто тратишь деньги – ты инвестируешь в будущее своего сына. Понял?

- Понял.

- Тогда слушай. Первое: опоздание на завтрак – 500 рублей. Второе: пропуск зарядки – 1000 рублей. Третье: курение – 3000 рублей за каждую сигарету. Четвертое: невыученная цитата о любви – 2000 рублей. Пятое: если ты скажешь что-то грубое Анне или мне – 5000 рублей. Шестое: если ты помотришь на Анну "тем самым взглядом" – 10 000 рублей.

- Каким «тем самым»?

- Ты знаешь. Я тебя видела. Ты смотрел на нее вчера, когда она мыла посуду. Ты думал, я не заметила? Я все замечаю. Так что за такой взгляд – штраф. Я записываю. Если накопишь больше 50 тысяч – я удваиваю сумму.

Леонид сидел, открыв рот и вспоминая рецепт борща, которым было бы проще кормить Виталика. Проще и дешевле.

Леонид думал, что это все шутка. Но нет. Это не шутка. Это реальность. Он попал в ад, который создала его бывшая теща.

- Людмила Петровна, - осторожно начал он. – А если я нарушу правило, но не нарочно? Например, забуду?

- Никаких забываний. Только штраф. И помни: я все вижу. А если мне что-то покажется, я проверю. Я буду следить за тобой двадцать четыре часа в сутки.

- Как вы собираетесь это делать?

Людмила Петровна достала из сумки два маленьких диктофона.

- Это для записей. Я включаю их, когда мы сидим вместе. Чтобы записывать твои слова и мои. Если я когда-нибудь скажу судье, что ты нарушил договор, у меня будут доказательства.

Леонид почувствовал, что у него начинает кружиться голова.

- Но я же буду только с вами! И с Анной. И с инвестором.

- И с другими людьми тоже. Но я буду там всегда. И я буду записывать все. Каждое слово, каждое движение, каждый взгляд. Ты будешь под колпаком, Леонид. И если ты сделаешь что-то неправильно, я это увижу.

Он сидел и молчал. Он знал, что Людмила Петровна всегда была сильной женщиной, но сейчас он увидел ее силу в полную мощность.

- Хорошо, - сказал он. – Я согласен.

- Отлично. Тогда начнем с завтрака. Ешь, - она поставила перед ним тарелку с яичницей и овощами. – И улыбайся. Ты должен улыбаться, когда ешь. Это выглядит дружелюбно.

Леонид взял вилку, съел кусочек яичницы и выдавил из себя улыбку.

- Хуже некуда, - прокомментировала Людмила Петровна. – Ты похож на робота, который пытается изобразить человека. Давай еще раз. И чтобы улыбка была настоящей.

- Я не знаю, как сделать ее настоящей.

- Думай о чем-то приятном. О чем-то, что тебя радует.

Леонид задумался. Он думал о Виталике, который, наконец, закончит университет. О том, что он сможет выплатить долги. О том, что Анна снова рядом.

- Хорошо, - сказала Людмила Петровна, глядя на его улыбку. – Почти хорошо. Теперь не переставай улыбаться до конца завтрака.

И Леонид улыбался. Он улыбался через силу, через не хочу, через «я ненавижу эту яичницу». Он улыбался, потому что понял – это его единственный шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.